

Командующий
10-й армией
генерал-лейтенант
(1942)
ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ
ПОПОВ

ЗАБЫТЫЕ АРМИИ
ЗАБЫТЫЕ КОМАНДАРМЫ

ТАЙНА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЫ

10-я армия в Московской
и Курской битвах.
От Серебряных Прудов
до Рославля

1941–1943

Сергей Михеенков

Сергей Егорович Михеенков
Тайна Безымянной высоты. 10-я армия
в Московской и Курской битвах. От
Серебряных Прудов до Рославля.
Серия «Забытые армии. Забытые командармы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8490889

*Тайна Безымянной высоты. 10-я армия в Московской и Курской битвах. От Серебряных Прудов до Рославля. 1941—1943.: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05443-2*

Аннотация

Это был стремительный и кровавый марш из юго-восточного Подмосковья через районы Тульской и Калужской областей до Смоленщины. Месяц упорных и яростных атак в ходе московского контрнаступления, а затем – почти два года позиционных боев в районе Кирова и Варшавского шоссе. И – новый рывок на северном фланге Курской дуги. Именно солдатам 10-й армии довелось брать знаменитую Безымянную высоту, ту самую, «у незнакомого поселка», о которой вскоре после войны сложат песню.

В книге известного историка и писателя, лауреата литературных премий «Сталинград» и «Прохоровское поле» Сергея Михеенкова на основе документов и свидетельств фронтовиков повествуется об этом трудном походе. Отдельной темой проходят события, связанные с секретными операциями ГРУ в так называемом «кировском коридоре», по которому наши разведывательно-диверсионные отряды и группы проникали в глубокий тыл немецких войск в районах Вязьмы, Спас-Деменска, Брянска и Рославля. Другая тема – судьба 11-го отдельного штрафного батальона в боях между Кировом и Рославлем.

Рассекреченные архивы и откровения участников тех событий легли в основу многих глав этой книги.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Михеенков

Тайна Безымянной высоты. 10-я армия в Московской и Курской битвах. От Серебряных Прудов до Рославля

Выражаю искреннюю благодарность землякам, без чьей помощи эта книга была бы невозможной:

Яшкину Николаю Ивановичу (с. Жерелёво Куйбышевского района Калужской области); Михалёву Валерию Васильевичу (г. Киров Калужской области); Иванову Александру Михайловичу (г. Рославль Смоленской области); Петракову Александру Петровичу (г. Десногорск Смоленской области)

Глава 1

Резервная армия генерала Голикова

«Главный удар в общем направлении на Михайлов...»

Направление главного удара. 10-я вводится в дело. Серебряные Пруды и Михайлов, Сталиногорск и Епифань. Маршал Шапошников о роли 10-й армии в московском контрнаступлении. Состав 10-й армии и ее вооружение. Константин Симонов о городе Михайлове. О чем свидетельствовали Гудериан, фон Бок и документы Подольского архива. Кто бил «быстроходного Гейнца». Гитлер: «Это были дни, которые истрепали мне нервы...»

Потом, через много лет после рокового поворота от Тулы, Гудериан будет придумывать различные доводы в объяснение тому, что стряслось с его танковой армией в октябре–декабре 1941-го на подступах к этому русскому городу. И они, те доводы, действительно успокоят многих читателей его мемуаров, погасят волну вопросов, как, должно быть, успокоили и самого автора «Воспоминаний солдата».

Но тогда, в русской осенней грязи и в русских зимних снегах 41-го года, он изо всех сил толкал свои танки вперед, вначале на Тулу, потом, когда она сожгла десятки боевых машин его передовой группы, с тем же неистовым упорством гнал их в обход, на Сталиногорск, чтобы в конце концов прорваться к Москве с юга.

Однако везде, от Алексина до Каширы, на его танки и его солдат смотрели через прицелы «сорокапятков» и мосинских винтовок солдаты другой армии. И она, та, другая, которую они рвали по частям и крушили все лето и в начале осени, теперь оказалась сильнее.

В начале декабря 1941 года группа армий «Центр», сконцентрировав свои последние ударные части на важнейших направлениях, предприняла последние атаки. Красная армия выдержала и этот напор. Одновременно дивизии, которые постоянно подтягивались из тыловых районов по железной дороге, занимали исходные районы для предстоящего контрудара.

На рассвете 5 декабря левое крыло Калининского фронта перешло в наступление. Вслед за войсками генерала Конева вперед пошли дивизии 5-й армии Западного фронта. На следующий день, 6 декабря, немецкая оборона была атакована частями 1-й ударной, 13, 20, 30 и 10-й армий. 7-го числа вперед ринулись 16-я армия и оперативная группа генерала Костенко. Снежный ком нарастал и в последующие дни, достигнув в конце концов колос-

сальных размеров. Напор русских оказался настолько мощным, что немецкие армии ничего поделать уже не смогли.

10-я армия действовала на левом фланге Западного фронта.

«Главный удар армия наносила в общем направлении на Михайлов с фронта Захарово, Пронск. 322-й стрелковой дивизии ставилась задача перейти в наступление в направлении Серебряных Прудов и овладеть последними к исходу 6 декабря, имея в виду в дальнейшем развивать удар на Венёв; 330-й, 328-й и 323-й стрелковым дивизиям ставилась задача овладеть Михайловом. Остальные дивизии нацеливались в направлении Сталиногорска, а 41-я кавалерийская дивизия выбрасывалась в направлении Епифани.

Выполняя поставленную задачу, войска 10-й армии к исходу 7 декабря овладели Серебряными Прудами, Михайловом и вышли на рубеж Елисеевка, Мочилы, Курлышево, Б. Дорогинка, ст. Гагарино и южнее. Перед фронтом армии вели арьергардные бои 29-я и 10-я моторизованные и 18-я танковая дивизии и другие мелкие пехотные части и подразделения противника. Особенно сильного сопротивления немцы на левом фланге 10-й армии не оказывали»¹ – так характеризовал обстоятельства первых суток на участке 10-й армии начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников в своей книге «Битва за Москву». Книга до сих пор считается основным аналитическим трудом, подробно и достаточно объективно отражающим ход боевых действий зимой 1941/42 и весной 1942 года на московском направлении. А потому в нашем более узком и локальном исследовании мы будем время от времени обращаться к этому капитальному труду².

10-я армия третьего формирования была довольно сильным войсковым объединением.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

10-я армия имела три формирования.

1-е формирование. Армия была сформирована в Белорусском особом военном округе в 1939 г. В начале войны включена в Западный фронт. Боевой состав: 1-й и 5-й стрелковые корпуса, 6-й и 13-й механизированные корпуса, 6-й кавалерийский корпус, 155-я стрелковая дивизия, 66-й укрепрайон, а также артиллерийские и другие части. Оборонялась в районе Белостока. Армейская группа в составе 6-го мехкорпуса и 6-го кавкорпуса под командованием генерала, заместителя командующего Западным фронтом И.В. Болдина пыталась контратаковать в районе Гродно, но была разбита. Под Минском в результате глубоких танковых прорывов (2-я танковая группа генерала Гудериана и 3-я танковая группа генерала Гота) с последующими охватами окружены и разгромлены остальные части армии. Большая часть пленена и истреблена, некоторые подразделения мелкими группами вышли из окружения. В том числе вышло полевое управление армии во главе с командармом генерал-майором К.Д. Голубевым. В июле 1941 г. в соответствии с директивой Ставки расформирована, а ее части переданы на укомплектование 4-й армии.

2-е формирование. Формирование было начато 1 октября 1941 г. на юго-западном направлении. Формировал армию генерал-лейтенант М.Г. Ефремов. Состав: 393-я, 411-я стрелковые дивизии, 38-я и 49-я кавалерийские дивизии, другие части. В связи с прорывом немецких войск в районе Рославля и Брянска формирование прекращено. Войска переданы

¹ Шапошников Б.М. Битва за Москву. М.: Эксмо, 2009. С. 312.

² Как известно, в книгу маршала Шапошникова легли материалы, оперативные документы, статистические данные, собранные и проанализированные группой штабных работников. Группой руководил профессор, генерал-лейтенант Е.А. Шиловский, бывший военспец, выпускник Академии Генерального штаба Русской императорской армии, капитан, перешедший на службу в РККА в годы Гражданской войны. Первое издание книги под редакцией Б.М. Шапошникова осуществлено в 1943 г. под грифом «Секретно» и предназначалось для служебного пользования. Другого исследования такого масштаба и такой глубины в нашей историографии нет.

Южному фронту. Полевое управление обращено на формирование управления вновь образованного Калининского фронта.

3-е формирование. Армия начала формироваться 1 ноября 1941 г. в Приволжском военном округе. В состав вошли: 322, 323, 324, 325, 326, 328 и 330-я стрелковые дивизии, 57-я и 75-я кавалерийские дивизии, а также артполки и другие части. Сосредоточилась юго-западнее Рязани. 1 декабря 1941 г. вошла в состав Западного фронта. В Московском сражении принимала участие только во второй части – контрнаступлении. Стрелковые дивизии в общей сложности насчитывали 85 тысяч штыков, кавалерийские – 8 тысяч сабель. К 10 января 1942 г., после 250-километрового марша с боями, армия вышла на рубеж Киров – Людиново – Жиздра (ныне все города – Калужской обл.). В августе – октябре 1943 г., имея в своем составе шесть стрелковых дивизий и танковую бригаду, принимала участие в Смоленском сражении (7 августа – 2 октября), в ходе которого ударом из района Кирова на Воронцово прорвала оборону 4-й армии противника и, успешно развивая наступление на Рославль, Снигиревку, Чаусы, к началу октября продвинулась в глубину до двухсот километров и вышла к реке Проне восточнее Могилева. На рубеже по реке Прони находилась в обороне, ведя позиционные бои, до апреля 1944 г., когда была расформирована. Войска вместе с участком фронта переданы в состав 49-й армии генерала И.Т. Гришина. Полевое управление обращено на формирование управления 2-го Белорусского фронта. Армией 3-го формирования до февраля 1942 г. командовал генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, с февраля 1942 г. по апрель 1944 г. – генерал-лейтенант В.С. Попов. В апреле 1944 г. В.С. Попов назначен заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом, а в мае, накануне операции «Багратион», – командующим 70-й армией 2-го Белорусского фронта.

У этой армии было одно очень существенное уязвимое место. Особенно если учесть, какую задачу ей предстояло выполнять. 10-й предстоял дальний и трудный поход на запад. Армия не имела своих баз обеспечения. Ощущался дефицит транспорта, даже гужевого. Не было ни одного автобата. Не было и своих медицинских учреждений. Обеспеченность вооружением тоже желала лучшего. Все это скажется очень скоро.

Жуков с самых первых дней начала операции торопил генерала Голикова.

7 декабря 330-я стрелковая дивизия полковника Соколова³ ночью ворвалась в Михайлов. К полудню старинный рязанский город был очищен от противника, наши войска захватили богатые трофеи. Сразу начались потери. В одном из уличных боев погиб командир 1113-го стрелкового полка майор Андрей Петрович Воеводин.

330-ю дивизию называли Тульской, так как сформирована она была в Туле и в основном из туляков. Хотя в историю Великой Отечественной войны она вошла как 330-я Могилевская. Свое почетное наименование она получит в 1943-м, когда ее полки отличатся при взятии Могилева и Чаусов.

Вот как действовала в эти дни авиация.

«Из оперсводки № 03. ШТАБ ВВС 10-й армии. РЯЗАНЬ 20:30 6.12.41:

Два ЯК-1 атаковали войска пр-ка и автомашины на южн. окраине СЕРЕБРЯНЫЕ ПРУДЫ, отмечено 3 взрыва, предположительно взорвались цистерны с горючим.

10:10–12:10. Два ЯК-1 (мл. л-т ДОБРЫНИН и сержант СПИРИДОНОВ) атаковали автоколонну по дороге МИХАЙЛОВ – ХАВЕРТОВО.

13:15–13:55. Один ЯК-1 (капитан ПАНКРАТОВ) атаковал автомашины на дороге МИХАЙЛОВ – ХАВЕРТОВО».

«Из оперсводки № 04. ШТАБ ВВС 10-й армии г. РЯЗАНЬ 22:00 7.12.41:

³ СОКОЛОВ Гавриил Дмитриевич (1900—?) – генерал-майор (1943) РККА. В Красной армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. Командовал 330-й, 154-й сд. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского.

1. Части ВВС 10 армии в течение ночи с 6-го на 7.12.41 г. бомбардировали ВЕНЁВ. Всего произведено 24 самолето-вылета, из них: Р-5 – 7 (ночью) и ЯК-1 – 17 (днем).

66 ИАП 7.12.41 г. совершил 17 самолето-вылетов, из них: 7 на патрулирование района Рязани, 10 – на разведку со штурмовкой. В районе ВЕНЁВ, БОГОЯВЛЕНСКОЕ, МАЛИНКИ (юж. МИХАЙЛОВ 20 км) уничтожено до 30 чел., 4 повозки, 3 автомашины.

В районе ВЕНЁВ – СТАЛИНОГОРСК разрушено несколько пролетов проволочной связи.

В районе ВЕНЁВ, СЕРЕБРЯНЫЕ ПРУДЫ, МАЛИНКИ обстреляны огнем ЗА и ЗП».

Вскоре в одной из центральных газет появился очерк Константина Симонова «Дорога на запад»: «Михайлов. Город, разбитый артиллерией. Ни в одном доме нет стекол. Ясли, городская библиотека, школы – все сожжено. На полу валяются обломки обгоревшей мебели, обгоревшие листы шедших на растопку книг. Немцы опоганили город, но сжечь его не успели. Смертельным натиском части Ф.И. Голикова обошли город с двух сторон и ночью в трескучем морозе 30 градусов пошли на штурм. Немцы не выдержали и бежали после яростного ночного боя. В каждом дворе стояли их машины. По улицам рассыпаны пачки документов. Задрав к небу стволы, стояли на перекрестках брошенные орудия. По оврагу, на задворках, полузанесенные снегом, торчали огромные жерла восьмидюймовок. У большинства орудий немцы не успели вынуть даже замки, и рядом с ними валяются ящики с неизрасходованными снарядами... Трупы немецких солдат и офицеров валяются вперемежку с разбросанным снаряжением, кучами ворованных вещей, расстрелянными гильзами, дневниками и письмами – великим множеством на чужом языке исписанной бумаги.

Еще до сих пор в городе то в одном, то в другом подвале вылавливают спрятавшихся немцев. Они пытаются уйти, переодевшись кем угодно – красноармейцами, рабочими, даже женщинами. Они пытаются уйти, но уйти им уже некуда. Они могут бежать на юго-запад дорогами и полями, десять – пятнадцать, пятьдесят, сто километров, и не догонят свои части, которые катятся все дальше и дальше»⁴.

8 декабря из штаба Западного фронта в штаб армии пришло напоминание о том, что противник под ударами соседей 50-й армии генерала Болдина и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Белова начал поспешный отход к Сталиногорску. Жуков приказывал Голикову выбросить вперед подвижные отряды, чтобы не позволить немцам выйти из-под удара и вывезти технику и тяжелое вооружение. Жуков прекрасно понимал, что, пока армия свежа, пока дивизии полны сил, а бойцы и командиры рвутся в дело, правое крыло 2-й танковой армии Гудериана можно отсечь одним стремительным броском на Плавск. Здесь создан оперативный мешок, в котором к тому времени находилось несколько дивизий противника.

Это была одна из первых попыток контратаковавших под Москвой советских войск действовать охватами. Однако котла здесь не получилось.

Немецкий историк Пауль Карель⁵ о прорыве у Михайлова писал: «У Михайлова... внезапно атаковала ударная армия Жукова. Сдерживавшая противника 10-я моторизованная пехотная дивизия понесла значительные потери. 17-я танковая дивизия из состава 24-го танкового корпуса остановила первый советский натиск с направления от Каширы. Юго-восточнее Тулы полк «Великая Германия» храбро держался под ударами атаковавших из города русских, благодаря чему смог обеспечить отход частей корпуса на левом фланге на рубеж Дон – Шат – Упа. Пока велись эти бои на сдерживание неприятеля, главные силы

⁴ К.М. Симонов во время войны был корреспондентом «Красной Звезды», «Правды» и других газет. Рязанская земля была для писателя родной – здесь прошло его детство. Сюда, на рязанскую землю, в Солотчу, К.М. Симонов приезжал к К.Г. Паустовскому.

⁵ Настоящее имя – Пауль Карл Шмидт. Во время Второй мировой войны служил в должности начальника пресс-службы Министерства иностранных дел Германии. Имел чин оберштурмбаннфюрера СС.

армии сумели отойти в порядке. Был сдан Сталиногорск. После ожесточенных оборонительных боев 10-я моторизованная дивизия, в соответствии с приказом, оставила Епифань. На рубеж Дон – Шат – Упа немецкие части вышли 11 декабря.

Однако надежда Гудериана удержаться на этих позициях не реализовалась»⁶.

О тяжелых потерях 10-й моторизованной дивизии говорит и Гудериан в своем военном дневнике «Воспоминания солдата»: «Русские продолжают сильно нажимать, и можно ожидать еще множества всяких неприятных инцидентов. Наши потери, особенно большими и обмороженными, очень велики, и даже при условии, что часть из них после небольшого отдыха снова возвратится в строй, все же в настоящий момент ничего нельзя сделать»⁷. И далее: «Мне самому никак не верилось, что в течение двух месяцев можно будет так сильно ухудшить обстановку, которая была почти блестящей...»⁸.

Гудериан, спасая свои танки и солдат, начал отвод.

Немецкие генералы вели ежедневные записи. Впоследствии эти дневники были опубликованы. Вот что писал в своем дневнике в те дни командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок: «2-я танковая армия получила по носу у Михайлова, в результате чего передовой батальон 10-й моторизованной дивизии, лишившись большей части своего снаряжения, вынужден был оставить город»⁹.

А теперь от мемуаров перейдем к документам, хранящимся в подольском Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Офицер связи штаба Юго-Западного фронта, находившийся в эти дни в штабе Западного фронта, телеграфировал 8 декабря 1941 г. в 20:00 соседу слева – 61-й армии: «10-я А. Части армии на марше для выхода на рубеж ПРУДСКИЕ ВЫСЕЛКИ, КУРЛЫШЕВО, ЗАЙЧИНО, ПОКРОВСКОЕ, БОЛ. ОЛЬХОВЕЦ.

Части армии вышли:

325 сд – ЯБЛОНОВО, ПАХОМОВО, БЕРЁЗОВО;

329 сд – БЕРЁЗОВО, ЧЕСМИНКА, ФЁДОРОВКА;

57 кд – район ВОЛШУТА, КАТИНО.

Положение остальных частей – данных нет.

Потери армии – убито 72, ранено – 134.

Уничтожено до 800 человек противника и захвачено пленных 65 солдат и 3 офицера, 166 автомашин, 1 бронемашина, 1 танк, 18 орудий разных калибров, 40 мотоциклов, 10 легковых автомашин, 2 зенитных пулемета, 2 ручных пулемета, много винтовок и патрон, количество уточняется»¹⁰.

Все населенные пункты, названные в этом донесении, ныне принадлежат Михайловскому району Рязанской области. Война шла по рязанской земле.

Из донесения 9 декабря 1941 г.: «41 кд ведет бой с противником на рубеже ПЕТРУШИНО, БОГОСЛОВО, НЮХОВЕЦ, имея против себя 40-й полк связи из группы Гудериана. По показаниям пленных, 25-я мотодивизия противника из района СЕРЕБРЯНЫЕ ПРУДЫ сосредоточивается в ЕПИФАНЬ»¹¹.

⁶ Карель П. Гитлер идет на восток. М.: Изографус, 2003. С. 283.

⁷ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М.: Феникс, 1998. С. 260.

⁸ Там же. С. 261.

⁹ Бок Ф. фон. «Я стоял у ворот Москвы...» Дневник командующего группой армий «Центр». М.: Эксмо, 2009. С. 273.

¹⁰ ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 118–119.

¹¹ Там же. Л. 123.

Все населенные пункты, названные в этом донесении, кроме Серебряных Прудов, ныне принадлежат Скопинскому району Рязанской области. Серебряные Пруды – районный центр Московской области. Елифань – уже тульская земля.

Так продвигались части 10-й армии, начавшей свое стремительное движение на запад.

Из донесения 11 декабря 1941 г.: «10 армия. Части армии продолжают движение на Запад, выйдя во второй половине дня 10.12 на рубеж:

330-я сд в движении из района УРУСОВО, ШИШЛОВО в район САВИНО, НОВО-ЯКОВЛЕВКА;

328-я сд в 10:00 10.12 вышла в район СТАЛИНОГОРСК, ПАШКОВО;

324-я сд в 10:00 10.12 проходила ИЗБИЩЕ, ДУРКИНО с задачей к исходу дня выйти УЗЛОВАЯ;

323-я сд к 12:00 10.12 овладела ст. ЕПИФАНЬ, продолжая движение в юго-западном направлении;

326-я сд к 12:00 10.12 овладела КРОПОТОВО;

4-я кд следует за 326-й сд;

325-я сд, 329-я сд на марше. Положение их уточняется.

57-я кд в районе ЧУРИКИ, ВОЛШУТА, КАТИНО.

75-я кд – МИХАЙЛОВ.

Перед фронтом армии отходят части 10-й и 5-й мотодивизий, 116-й пд противника. Противник бросает орудия, автомашины и танки.

ВВС фронта в течение ночи и дня 10.12 из-за плохих метеоусловий вели ограниченные действия. Всего произведено 59 самолето-вылетов. Из них 33 до цели не дошли»¹².

Итак, авиация в эти дни сидела на своих базах. И это обстоятельство скорее помогало войскам генерала Голикова, чем мешало. Люфтваффе не препятствовало маршу дивизий 10-й армии на запад.

У нас принято больше считаться с мнением и аргументами противника. Свидетельства бывших солдат и офицеров противника нам кажутся более достоверными. Если написал Гудериан, то это-де, скорее всего, правда. Если написал Голиков или Жуков – вранье. Немецкие сводки – вот это да!.. Наши сводки – сомнительно, скорее всего, приписка, очко-втирательство... Не любим мы себя. Не помним своих героев. Не ценим их кровь и страдания. Если что поперек наших представлений или понятий, то правду из уст ближнего своего готовы утопить в собственном эгоизме и невежестве, чтобы ее и вовсе не было.

Правда же истории такова, что Гудериана, этого непревзойденного гения танковых атак, в тульских, рязанских и калужских полях остановили и начали громить не Генерал Мороз, и не Генерал Слякоть. И даже не генерал Жуков. Танки Гудериана начали жечь солдаты и командиры генералов, которые в то время ходили в подчиненных у генерала Жукова. А именно – Ивана Васильевича Болдина и Филиппа Ивановича Голикова. А до них – генерал-майора Аркадия Николаевича Ермакова.

Именно солдаты генерала Ермакова отбили самые страшные и крошечные атаки в конце октября 1941-го на окраинах Тулы, когда чаша весов опасно колебалась и когда все могло рухнуть в одночасье.

Кто теперь помнит о генерале Ермакове? На тульских сайтах я даже фотографии его не нашел. Зато фотография Гудериана красуется везде. Как же – главный танковый гений Второй мировой войны! Главный эксперт для многих историков! Которого хорошенько оттрепали под Тулой, Каширой и Сталиногорском. И которому уже не доверял Гитлер, видимо опасаясь, что «быстроходный Гейнц» пожжет и остатки танковых дивизий в бескрайних русских просторах.

¹² ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 47. Л. 139–141.

И все же Гудериана мы в нашем исследовании время от времени цитировать будем. Как же без него? Поскольку он был и остается одним из главных действующих лиц декабрьской драмы юго-западнее Тулы.

16 декабря Гитлер позвонил по телефону в штаб группы армий «Центр» и сказал, что в той ситуации, которая создалась на фронте, есть только один выход – держаться. На следующий день, 17-го, фон Бок записал в своем дневнике: «Были изданы два строгих приказа: первый – держаться любой ценой, второй – безжалостно гнать на фронт всех, кто по какой-либо причине укрывается за линией фронта».

Впоследствии, когда вермахту все же удастся стабилизировать ситуацию, закрепиться на новых позициях и остановить наступление Красной армии, Гитлер скажет: «Это были дни, которые истрепали мне нервы. Почти все оказались несостоятельными, вплоть до тех немногочисленных людей, которые продолжали вместе со мной сражаться. И день и ночь я вынужден был думать о том, что сделать, что может произойти, как заткнуть ту или иную брешь. Мне стало ясно, что отступать – значило бы испытать на себе судьбу Наполеона. Тому, что мы выстояли в эту зиму... мы обязаны храбрости солдат на фронте и моей твердой воле».

Многие историки склонны считать, что эта оценка, в том числе и самооценка Гитлера, были справедливыми и реально отражали обстановку, сложившуюся к тому времени.

Ночью потеплело. Пошел снег. Лыжи пошли мягче. Рота продвигалась тихо, почти бесшумно. Только иногда в середине второго взвода слышался глухой, сдавленный кашель. Кашляли, видимо, в шапку.

Ротный Чернокутов выругался.

Больных перед рейдом оставили в тылу. Троих. Старший лейтенант Чернокутов буквально вытолкнул их из строя. Сказал: «Что, ослабели? На свежем-то воздухе... Марш в обоз!» Те пытались протестовать. «Давай, давай, голуба моя!» – И Чернокутов выпроводил их злым матерком.

Теперь, прислушиваясь к кашлю, ротный не мог отделаться от мысли о том, что кто-то из тех, кому он приказал двигаться с тылами, все же оказался здесь.

Полк продвигался левее, большаком, выбросив вперед батальон, усиленный противотанковой батареей. Но уже к вечеру батальон уткнулся в деревню, через которую проходило шоссе. В деревне – немцы. И не просто гарнизон, который не успел драпануть, а опорный пункт, хорошо укрепленный, с двумя мелкокалиберными зенитными установками и несколькими пулеметами.

Полезли вначале напролом, с расчетом, что немцы, видя приближающуюся колонну, дрогнут и начнут отходить, что на марше их настигнуть и добить будет куда легче, чем в блиндажах и за снежными валами. Но те не дрогнули, открыли огонь из всех видов оружия. И положили перед деревушкой двенадцать человек. Раненые кричали, барахтались в глубоком снегу. Их кое-как вытащили из-под огня, перевязали и отправили в тыл. Батальон частично отошел, частично зарылся в снегу, затаился в балках и овражках. Бойцы не знали, что будет дальше, и молча ждали приказа.

Когда стемнело, в обход, с целью перехватить дорогу, выходящую из деревни на юго-запад, выслали лыжную роту.

Никто из деревни уйти не должен. В немецких штабах, там, западнее, не должны знать о продвижении наступающих колонн, их численности и прочем. Конечно, о передовом батальоне немцы уже сообщили по радиации. Но пятьсот человек с двумя пушками – не дивизия. Их появление перед деревней о направлении главного удара ничего не говорило. Впрочем, где он теперь, главный удар? Красная армия наступала везде.

Рота выбралась на дорогу. Разделилась. Один взвод остался на опушке. Лыжники залегли в снегу, приготовили оружие. Пулеметчики обтоптали снег и тоже затихли. Ночь их мгновенно поглотила, превратила в часть своего замысловатого снежного кружева.

Два взвода, держась обочин наезженного большака, двинулись к деревне. Но вскоре тоже остановились. В деревню ушла разведка – десять лыжников с лейтенантом Поярковым.

Ротный проводил их мрачным взглядом. Хотелось курить. Но курить он запретил. Прислушался. Никто не кашлял. Значит, тот, кто кашлял, ушел с Поярковым. Подумал: ну, Поярков, провалишь операцию, я тебе тогда, голуба моя...

Лейтенант Поярков ругал себя за то, что утром хлебнул из ведра ледяной воды. Вот теперь и распирало, рвало воспаленные бронхи. Когда становилось совсем невмочь, он выдергивал из-под капюшона шапку и бóхал в нее. Сержант Гречкин, шедший впереди, то и дело оглядывался. Он несколько раз задерживал движение и хотел что-то сказать Пояркову, но лейтенант нервно махал рукой: все нормально, вперед...

Главное в человеке не живот и даже не голова, а, как говорит ротный старшина Печников, нервы. И это правда. Как только они подошли к деревне, першение в горле прекратилось, и Поярков забыл о своем кашле.

Ротный приказал: разведать подход к опорному пункту, выявить огневые точки на западной окраине деревни, часовых снять, войти в деревню и взять под контроль крайние дома. Связных отправлять в три этапа: когда разведают подходы, когда снимут часовых и когда займут крайние дома. Дома, при любом раскладе, предстояло удерживать его до подхода взводов. С востока тем временем войдет батальон.

Лыжи скользили беззвучно, как в пуху. Снег, который, кажется, усилился с тех пор, как они оторвались от лесной опушки, глушил звуки, залеплял глаза.

Чем ближе деревня, тем медленнее они шли.

Поярков увидел, как сержант передвинул на грудь автомат. То же самое сделал и он.

Сержант Гречкин воевал с августа. Попал в окружение под Духовщиной. Вышел. В октябре был ранен под СпасДеменском, когда немцы прорвались к Москве. Почти месяц пролежал в госпитале в Подольске. Потом – запасной полк. С маршевым батальоном прибыл в дивизию. Отличный лыжник. Физически крепок. До ранения служил в разведоте. Там овладел приемами ножевого боя. Кто-то из хозвзвода выточил ему из вагонной рессоры несколько ножей, и при каждой свободной минуте Гречкин в своем отделении, как сказал об этом необычном занятии ротный старшина Печников, устраивал цирк. Ножи он между тем метал превосходно. Вся рота сбегалась посмотреть. Один только старшина Печников ворчал и отворачивался: «Баловство. Лучше бы гранаты бросать учил, а то бояться...» И правда, многие в роте гранат боялись и старались их сбывать соседям. Были и такие, кто «терял» карманную артиллерию по дороге, оставлял в окопах, закапывал под деревьями по время привалов.

На Гречкина старшина злился из-за того, что тот отказался дать ему нож для разделки теленка, привезенного из колхоза в качестве приварка «на поддержку Красной армии» перед самым наступлением. Сказал Печникову, что эти ножи его – боевые, а кроликов лупить надо кухонными... Конечно, Гречкину лучше было бы помолчать по поводу кролика. Теленок оказался вполне упитанным, и рота этим приварком питалась двое суток.

Остановились. Сержант уступил лыжню. Поярков проехал вперед и тоже остановился.

Вот она, деревня. Поярков не успел запомнить ее название, то ли Ольхи, то ли Клены.

И в это время в середине деревни заработал мотор. Неужели танк? Нет, на танк не похоже. Скорее всего, бронетранспортер. Значит, есть пулемет, возможно, крупнокалиберный. Крупнокалиберный пулемет, который к тому же может быстро перемещаться, – что могло быть сейчас хуже для них? Прогревают мотор. Пока он работает, надо воспользоваться хотя бы этим и войти под шумок в деревню.

Впереди взлетела ракета. Ее свет едва пробивался, терялся среди снежных зарядов и оказался бесполезным для ракетчика и потому неопасным для разведчиков.

Но он предостерегал, и они пошли осторожней.

Все. Стоп. Дальше двинулись трое: Гречкин, Антонов и Вязов. Остальные залегли.

Спустя несколько минут вернулся Антонов. Доложил: пулемет в крайнем доме, амбразура пробита в фундаменте, окна изнутри заложены бревнами, у дома часовой.

– Значит, сидят внизу, под полом, – сказал Поярков. – Скажи Гречкину: снять часового и ждать нас.

Снять часового... А если не снимет? Да нет, Гречкин справится. Поярков смотрел с надеждой на глыбистую спину сержанта. Гречкин справится...

Теперь оставалось ждать.

Поярков отправил первого связного и присел на корточки, машинально очищая автомат от снега.

На другой стороне деревни вспыхнула короткая пулеметная очередь. Нет, это не тревога – дежурный пулемет. А здесь у них пока тишина. Они не сделали ошибки. Все шло пока так, как надо.

Сколько времени прошло, Поярков не мог определить даже приблизительно, когда из снежной кутерьмы появился Антонов. Доложил:

– Все в порядке. Часовой снят. Вход в дом мы нашли. Гречкин и Вязов дежурят у входа. Немцы внутри. Слышно, как разговаривают. Человека три, не меньше. Пулемет из амбразуры убран. Все тихо.

Двинулись вперед.

Амбразура была заткнута клоком сена. Поярков нажал на затычку, и она легко подавалась, бесшумно провалилась вовнутрь. Граната полетела следом, беспрепятственно и беззвучно, как в пустое дупло.

После взрыва дверь во двор отворилась, и в проем вывалился немец. Без оружия, в расстегнутом кителе и с растрепанными волосами.

Жарко натопили, подумал Поярков, наблюдая, как его скручивают разведчики.

Взводы входили в деревню.

А в центре и на восточной окраине заработали сразу не сколько пулеметов. Затарахтела зенитная установка. Стреляла она короткими сериями, но часто. Началось. Работавший в центре села мотор взревел, набирая обороты.

– Броневики, – сказал сержант Гречкин.

Противотанковая граната у них была всего одна. Нес ее в своем вещмешке Вязов. Когда стало ясно, что бронетранспортер движется в их сторону, Вязов молча, не дожидаясь приказа, распустил лямки и достал гранату. Быстро собрал ее и побежал вдоль поленицы к соседнему дому. Через минуту исчез.

Взрыв ухнул вскоре. Сразу полыхнуло ярким огнем.

– Молодец, Вязов, – похвалил его Поярков.

Немец, взятый его разведчиками, вначале беззвучно трясся, потом зарыдал. Он раскачивался из стороны в сторону, зло мычал, и слезы катились по его озябшим щекам и тут же замерзали.

– Накиньте на него что-нибудь, а то околеет, – сказал Поярков.

Вязов не возвращался.

Бронетранспортер горел за проулком возле колодезного журавля. Горел ярко, как будто в него подбрасывали сухих дров. Видимо, занялась какая-то поклажа. Вязова нашли неподалеку. Он лежал ничком, уткнувшись лицом в рыхлый, черный от крови снег.

Глава 2

Освобождение Сталиногорска

«При этих обстоятельствах 2-я танковая армия не была в состоянии удержаться на рубеже Сталиногорск, р. Шат, р. Уна...»

Русский штык под ребро Гудериана. 2-я танковая армия растянула фронт и коммуникации. Попытка окружения противника в районе Венёва. Жуков торопит Голикова. Судьба генерала Голикова, ставшего после войны маршалом. Гудериан: «2-я танковая армия не была в состоянии удержаться на рубеже...» Конная группа генерала Мишулина. Стрелковые корпуса: ликвидация и восстановление. Кавалерийские дивизии 10-й армии переданы генералу Белову. Кто противостоял 10-й армии. Состав немецких корпусов и дивизий. Прав ли был Жуков? Размышления и выводы немецкого историка. Пока Гудериан ездил к Гитлеру, Голиков подступил к Белёву

Гудериан лихорадочно искал в обороне на стыке наших фронтов слабое место, чтобы обойти Тулу, охватить ее и ликвидировать этот непокорный плацдарм, сломать русский штык, который неприятно подпирает его в левый бок. Иногда казалось, что брешь пробита, прорыв начался. Но Ставка перебрасывала сюда новые части и снова закрывала фронт. 50-я армия генерала Болдина удерживала свои позиции, хотя порой это упорное стояние на своих рубежах ей обходилось очень дорого.

На московском фронте наступил такой период, когда и та и другая стороны дрались из последних сил. Но вот наступил переломный момент. Ставка накопила силы и начала теснить группу армий «Центр».

2-я танковая армия Гудериана растянула свой фронт восточнее Тулы и постепенно оказалась в своеобразном мешке. Глядя на этот мешок, где были сосредоточены основные части 24-го моторизованного и часть сил 57-го моторизованного корпусов, генерал Жуков конечно же вынашивал замысел отсечь эти дивизии противника здесь, в районе Венёва. И эту задачу должны были решить 10-я армия и кавкорпус генерала Белова.

Жуков жестко определил маршрут наступления армии: Михайлов – Сталиногорск. На основных направлениях дивизии получили полосу наступления до девяти километров, боевые порядки при этом были уплотнены максимально.

Правее 50-я армия повела наступление в юго-восточном направлении, чтобы придавить левый фланг венёвско-сталиногорской группировки противника. Дальше, к Алексину и Тарусе, атаковала 49-я армия генерала Захаркина в направлении Недельного и Калуги.

И все-таки в штабе Западного фронта просчитались: ни 50-я армия, ни конники 1-го гвардейского кавалерийского корпуса не смогли перехватить коммуникации противника и захлестнуть часть сил 2-й танковой армии в Венёвском мешке. Темпы их движения были достаточно высокими – до 12 километров в сутки. Но нужен был бросок, стремительный удар вперед с последующим охватом. Броска не получилось. Гудериан двигался быстрее. Он энергично выводил свои части, покидая мешок, и, ведя упорные арьергардные бои на ключевых позициях, вскоре выбрался из кризисной ситуации.

13 декабря Военный совет Западного фронта в очередной раз напомнил командарму-10: «10-я армия своей пассивностью и систематическим невыполнением приказов о занятии впереди лежащих рубежей и объектов срывает план операции фронта и дает возможность врагу отводить свои части и технику...»

Итак, Жуков торопил Голикова. Голиков торопил своих командиров дивизий. Но темпы движения вперед оставались по-прежнему недостаточными для маневра, который задумы-

вал Жуков. Противник уходил из-под удара и на северном фланге Западного фронта, в районе Клина и Солнечногорска, и здесь, на юге.

Некоторые исследователи склонны винить в этом генерала Голикова. Дескать, он был больше штабным, а не полевым командиром, и это обстоятельство помешало ему более энергично наступать в декабре 1941-го.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ГОЛИКОВ Филипп Иванович (1900–1980) – Маршал Советского Союза (1961). Родился в крестьянской семье в д. Борисово, ныне Курганской области. В Красной армии с 1918 г. В 1919 г. окончил военно-агитаторские курсы в Петрограде. В 1929 г. – Курсы усовершенствования высшего начсостава. В 1931 г. – Военную школу. В 1933 г. заочно Военную академию им. М.В. Фрунзе. Участвовал в Гражданской войне. Воевал в составе 1-го Крестьянского коммунистического стрелкового полка «Красные орлы». Инструктор политотдела 51-й стрелковой дивизии. Командир стрелкового полка, стрелковой дивизии. В 1937 г. командир 45-го механизированного корпуса Киевского военного округа. Командовал группой войск этого же округа. В походе 1939 г. в Западную Украину командовал 6-й армией. С июля 1940 г. заместитель начальника Генерального штаба – начальник Главного разведуправления. В начале войны возглавлял советскую военную миссию в Англии и США, вел переговоры о военных поставках для Красной армии и военной промышленности. В октябре 1941 г. вступил в командование 10-й армией. В ходе контрнаступления под Москвой армия прошла с боями около 400 км, освободила огромную территорию, сотни населенных пунктов и городов, нанесла противнику большой урон, захватила богатые трофеи. С февраля 1942 г. командовал 4-й ударной армией. С апреля 1942 г. – войсками Брянского, а с июня 1942 г. – Воронежского фронтов. В августе – октябре того же 1942 г. командовал 1-й гвардейской армией. Затем – заместитель командующего войсками Воронежского фронта. С апреля 1943 г. – заместитель наркома обороны СССР по кадрам, с мая того же года – начальник Главного управления кадров. С октября 1944 г. одновременно – уполномоченный СНК СССР по делам репатриации граждан СССР. В 1950–1956 гг. командовал отдельной механизированной армией. В 1956–1958 гг. – начальник Военной академии бронетанковых войск. В 1958–1962 гг. – начальник Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. С мая 1962 г. – генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов МО СССР. Награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды.

Некоторые военные историки возлагают вину на Голикова за то, что, будучи начальником Главного разведывательного управления, в угоду Сталину, не желавшему верить в нападение Германии на СССР, он скрывал тревожную информацию. Говорят, на доклад к Сталину Голиков ходил с двумя папками. Если настроение у вождя было не очень пасмурное, в дело шли документы из папки, где лежала более или менее правдивая информация. Если же секретари предупреждали о мрачном настроении Хозяина, выкладывал документы из «благополучной» папки. По свидетельствам сотрудников ГРУ – «крайний дилетант в разведке».

Когда Сталин расправлялся с виновниками катастрофы 1941 года, под стебло попал и Голиков, как начальник армейской разведки, которая проморгала начало войны. Голиков был отправлен на фронт. Но и на фронте себя ничем особенным не проявил. К разведке его больше не подпускали. Однако в тайнах партийных отношений был искушен, владел секретами движения вверх по партийной линии. В конце концов дослужился до маршала.

В 60-х годах прошлого века всплыла на поверхность папка с рассекреченными сенсационными документами: донесениями разведчика Рихарда Зорге, на которых стояли пометки тогдашнего начальника ГРУ. Говорят, Голиков и на сей раз не растерялся: когда ему

предъявили эту папку, он, будучи Маршалом Советского Союза и заместителем министра обороны СССР, принялся инсценировать умственное расстройство...

Впрочем, есть и другие исследования, которые свидетельствуют в пользу Голикова. Понимая, что Сталин не терпит суровой правды о том, что Германия готовит нападение на СССР, начальник ГРУ все же под разными предлогами подсовывал ему сведения о передислокации дивизий вермахта к границам СССР.

Взаимоотношения с Г.К. Жуковым у Голикова были традиционно плохими. Еще в 30-х годах из Белорусского военного округа Голиков писал на Жукова доносы, намекая на его политическую неблагонадежность. Жуков презирал Голикова как бездарного генерала. Голиков впоследствии отомстит ему на заседании Высшего Военного совета в 1946 году, когда Сталин начнет череду расправ над Маршалом Победы, испугавшись его власти в войсках и популярности в народе. Голиков снова выступит с обвинениями в неблагонадежности Г.К. Жукова.

Гудериан: «13 декабря 2-я армия продолжала отход. При этих обстоятельствах 2-я танковая армия не была в состоянии удержаться на рубеже Сталиногорск, р. Шат, р. Упа, тем более что 112-я пехотная дивизия не имела достаточно сил для того, чтобы оказать дальнейшее сопротивление и задержать наступление свежих сил противника. Войска вынуждены были отходить за линию р. Плава. Действовавшие левее нас 4-я армия и, прежде всего, 4-я и 3-я танковые группы также не смогли удержать свои позиции.

14 декабря я прибыл в Рославль, где встретился с главнокомандующим Сухопутными войсками фельдмаршалом фон Браучем».

На совещании в Рославле командующие армиями пришли к выводу: «Постепенный отвод войск группы армий к заранее очерченным на карте тыловым позициям неизбежен» (фельдмаршал фон Бок).

А через два дня фон Бок записал в своем дневнике: «Состоялся трудный разговор с Гудерианом о разрыве в линии фронта на западе от Тулы. Он отказывается обсуждать какую-либо возможность закрытия этого разрыва с юга. При всем том я передал в его распоряжение остатки 137-й дивизии из 4-й армии и еще раз подчеркнул необходимость посылки каких-либо подразделений, пусть даже слабых, на санях или еще каким-либо способом в направлении Одоева. Последний батальон дивизии сил безопасности, которая была передана 2-й армии, был возвращен с полпути и переподчинен танковой армии с условием задействовать его для блокирования переправ через Оку в районе Лихвина».

В образовавшуюся брешь Жуков тем временем нацеливал подвижную группу 50-й армии. Группа должна была совершить девяностокilометровый марш и захватить город Калугу.

10-я между тем развивала удар в своем направлении, тесня правый фланг и центр 2-й танковой армии.

Постепенно дивизии рассредоточились на восьмидесятиkilометровом фронте и фактически выполняли каждая свою задачу. Штурмовали опорные пункты, значительно удаленные друг от друга. Порой штаб армии не имел связи с этими дивизиями, а следовательно, не знал положение дел и не влиял на ход событий. При этом некоторые дивизии, к примеру 330-я, имели довольно энергичное продвижение вперед – до девяти километров в сутки. А дивизии левого крыла топтались перед арьергардами противника, замедляли общее наступление. Противник, пользуясь этим, выскальзывал буквально из-под носа у Голикова и Болдина.

Жуков нервничал.

17 декабря Голиков, чтобы ускорить удар и выполнить директиву штаба фронта, объединил три кавалерийские дивизии, которые до этого действовали разрозненно, каждая на своем направлении, в одну группу. Группа начала действовать на левом крыле армии, на